

MalutkaSemen

Бумер и Леди

18+

MalutkaSemen
Бумер и Леди

«Автор»

2026

MalutkaSemen

Бумер и Леди / MalutkaSemen — «Автор», 2026

«У неё нет денег, нет семьи, только старая BMW и работа официанткой. Она живёт одним днём, потому что завтра может не наступить. Её парень — абьюзер. Её мечта — вырваться. Однажды она начинает вести блог о машинах. Подписчики приходят, жизнь меняется. Но главное испытание — не кредиты и не работа. Главное — поверить, что она достойна настоящей любви».

© MalutkaSemen, 2026

© Автор, 2026

MalutkaSemen

Бумер и Леди

1 Глава Going Under

Утро встречало серым, промозглым мартовским небом. Весна только календарная — на деле с крыш всё ещё свисали сосульки, а изо рта при выдохе вырывалось облачко пара. Я выскочила из подъезда, на ходу застёгивая куртку, и чуть не споткнулась о выщербленную плитку у крыльца.

Бордовый «Бумер» стоял на обычном месте — чуть левее мусорных баков, под чахлым тополем, который ещё не думал распускаться. Е39, рестайлинг, 2.5. Моя гордость, моя боль, моя самая большая покупка в жизни. Красно-бордовый кузов, на котором сейчас проступали разводы от ночной влаги, чёрный кожаный салон, приятно пахнущий смесью кожи и чего-то ещё неуловимого — то ли моего любимого освежителя, то ли просто старой, хорошей, надёжной машиной.

Я плюхнулась на водительское сиденье, бросила рюкзак на пассажирское кресло и повернула ключ в замке зажигания.

Двигатель чихнул. Потом кашлянул. И заглох.

— Да ладно, — выдохнула я, сжимая руль. — Давай, милая, только не сегодня.

Второй раз. Мотор заурчал, зарокотал, и я прикрыла глаза на секунду, благословляя своего железного коня за то, что не подвёл. А потом из динамиков рвануло — фортепианное вступление, тяжёлое, мрачное, и следом голос Эми Ли:

"Now I will tell you what I've done for you —

Fifty thousand tears I've cried..."

«Going Under». Моя песня. Та, под которую я отключала голову, под которую бежала, когда мир рушился, под которую проживала каждый свой плохой день.

Я сделала радио чуть громче, хотя знала, что соседи по парковке, наверное, уже проклиняют меня. Но плевать.

"I'm going under, drowning in you —

I'm falling forever, I've got to break through..."

Я выдохнула, вцепилась в руль и тронулась с места. Из динамиков всё ещё гремело, но теперь это был не просто шум — это был ритм, под который я могла двигаться дальше. Даже если внутри всё разваливалось.

Выезжая со двора, бросила взгляд на часы на приборной панели.

— Чёрт.

Если я не успею, начальница снова устроит сцену. А её сцены я могла переживать только с закрытыми глазами, представляя себе что-то приятное — лето, море, новую жизнь, в которой я не опаздываю, потому что у меня нет причин опаздывать.

Я выжала газ, и «Бумер» послушно рванул вперёд.

Я вылетела на трассу. Мартовская слякоть мешалась с гравием под колёсами, машина мягко покачивалась на неровностях, и я вела её так, как умела — уверенно, быстро, но без лихачества. БМВ слушалась руля идеально, как будто чувствовала, что я спешу. Я обогнала

пару грузовиков, пропустила наглую белую «Тойоту», что подрезала меня на повороте, и только мотнула головой.

— Живи, — пробормотала я. — У меня сегодня тоже нет времени на разборки.

Въехала на парковку ресторана и резко затормозила. Оглянулась на место — ну да, куда ещё приткнуться. Задним ходом, чуть повернуть, ещё чуть-чуть... и переднее колесо мягко ткнулось в бордюр. Я выдохнула.

Неуклюже, но на месте.

Схватила с пассажирского сиденья старый, потёртый рюкзак, из которого высовывался край сменной футболки, и выскочила из машины. Нажала на брелок — сигнализация пикнула, мигнув фарами, словно подмигнула мне на прощание.

Я буквально вбежала в служебный вход. Табло на стене показывало 8:03. Три минуты. Пронесло.

— Опаздываем, Рожкова? — охранник дядя Витя поднял бровь, но в его голосе была только лёгкая усмешка.

— На три минуты, дядь Вить, — я выдохнула и улыбнулась. — Отметиться можно?

— Валяй.

Я быстро черкнула фамилию в журнале, взяла ключ от шкафчика и, здороваясь на бегу с горничной и поваром, что курили у чёрного входа, юркнула в подсобку.

Форма. Чёрные облегающие брюки, белая рубашка, которая, если честно, сидела на мне так, что иногда хотелось накинуть сверху что-то мешковатое. Но нельзя. Регламент. Фартук, значок с именем, волосы собраны в аккуратный узел, чтобы ни одна прядь не выбивалась.

— Привет, красотка, — проходя мимо, бросил Колян из бара. — Выглядишь огонь.

Я почувствовала, как щёки наливаются теплом.

— Спасибо, — буркнула я, опуская взгляд и поправляя фартук. — Ты бы лучше меню проверил, там вчера пара позиций не совпадала.

— Ай, — отмахнулся он. — Всё сходится.

Я прошла в зал. Внутри уже зажгли свет, пахло моющим средством и утром — той особенной свежестью пустого ресторана, где вот-вот начнётся жизнь.

День потянулся чередой заказов, улыбок, «спасибо, до свидания», постоянных движений между столиками и кухней. Ноги гудели к обеду, но я держалась. На моём участке — семь столов, двенадцать гостей за час, и каждый хочет внимания.

— Девушка, вы здесь работаете? — спросил мужчина в дорогом пальто, когда я ставила перед ним чашку эспрессо.

— Да, — вежливо улыбнулась я. — Что-то ещё желаете?

— Желая узнать, как вас зовут, — он подался чуть вперёд.

— Диана, — сухо ответила я и сделала шаг назад. — Приятного аппетита.

Он хотел что-то добавить, но я уже развернулась и направилась к стойке. Сердце кололось где-то у горла — как всегда, когда на меня обращали такое внимание. Внутри всё сжималось, язык прилипал к нёбу, и я ненавидела себя за эту реакцию.

— Могла бы познакомиться, — шепнула Ленка, когда я вернулась на кухню. — Нормальный мужик.

— Лен, — я взяла поднос с готовым блюдом. — Я не умею. Ты знаешь.

— Надо учиться, — она пожала плечами и скрылась за дверью.

Я только вздохнула и понесла заказ к столу.

После пятницы, когда последний гость ушёл, а часы показывали девять вечера, я выдохнула с таким облегчением, будто меня отпустили из плена.

— Рожкова, ты ещё здесь? — начальница высунулась из своего кабинета.

— Уже ухожу, — ответила я, стягивая фартук.

— До понедельника, не опаздывай.

— Да, — кивнула я и выскользнула на улицу.

Темнота встретила холодным ветром, который тут же забрался под воротник куртки. Звезд не было — низкое мартовское небо нависало серой ватой, лишь вдалеке горели жёлтые пятна фонарей.

Я завела машину. Двигатель заурчал, салон наполнился тусклым светом приборной панели. Красные стрелки дрогнули, встали на места.

— Ну что, красавица, — я провела ладонью по рулю. — Поехали.

Заправиться надо было обязательно — стрелка почти лежала на нуле. Я вырулила на трассу и через десять минут свернула на заправку «Нефтьмагистраль». Ярко-жёлтые вывески, резкий свет, запах бензина и влажного асфальта.

Я вышла из машины, ёжась от ветра. На табло горели цифры, от которых каждый раз сводило скулы — АИ-95, 92, дизель. Я сглотнула.

— Пятьдесят литров, — сказала оператору через окошко.

Она кивнула, запустила колонку. Я пошла на кассу.

Внутри заправки было тепло и пахло кофе — густым, свежим, почти живым. Я подошла к стойке, протянула карту.

— Кофе не хотите? — спросила кассирша, девушка с усталыми, но добрыми глазами. — У нас акция: к оплате за бензин — кофе баллами.

Я замерла.

В голове пронеслась знакомая картина: я стою перед витриной, смотрю на аппетитные стаканчики, и считаю — триста рублей, четыреста, полтысячи. А потом думаю — а не потратить ли их на что-то важное? На еду, на тот самый день, когда мне нужно будет заплатить за квартиру, на бензин в следующий раз...

— Хотите, я спишу баллы, — мягко повторила кассирша. — Они всё равно сгорают.

— Давайте, — выдохнула я. — Раф на кокосовом, пожалуйста. Средний.

Пока она готовила, я смотрела в окно — на свою машину, на пустую улицу, на чёрное небо. И впервые за день на душе стало чуть теплее.

— Держите, — она протянула стакан.

Я взяла, вдохнула аромат — кокос, кофе, что-то уютное, почти домашнее.

— Спасибо, — сказала я. Искренне.

Я вышла на улицу, аккуратно поставила стакан в подстаканник в салоне, залила бензин и села за руль.

Дорога до дома — съёмной однушки где-то под Химками, недалеко от МКАДа — заняла минут двадцать. Я пила кофе, слушала шуршание колёс по мокрому асфальту и смотрела, как город постепенно сменяется спальными районами.

Дома я скинула куртку, плюхнулась на диван и набрала Лёну.

— Алло, — её голос звучал бодро.

— Привет, — я прижала телефон плечом к уху, стягивая рабочие брюки. — Ты сегодня вечером свободна?

— Да, а что?

— Мне надо выйти. Куда-нибудь. В клуб. Я сейчас с ума сойду, если останусь одна в четырёх стенах.

— О, приехали, — в голосе Лёны появился интерес. — Во сколько?

— В одиннадцать у тебя? Заеду.

— Давай. Я пока подумаю, во что нарядиться.

— Лёна, ты в чём угодно красотка.

— Лесть принимается, — засмеялась она. — Жду.

Я сбросила звонок, допила остатки кофе и пошла собираться.

Через час я стояла перед зеркалом в чёрных лосинах, которые обтягивали ноги, подчёркивая мышцы, накатанные вечерними пробежками. Сверху — лёгкая футболка с вырезом, от которой веяло чем-то дерзким, почти опасным. Поверх накинула ветровку — тонкую, но спасавшую от мартовского ветра.

Я посмотрела на себя: волосы распущены, зелёные глаза чуть подведены, губы блестят от бальзама. Вроде ничего особенного, но внутри уже просыпалось то самое — предвкушение ночи, когда можно забыть, кто ты, и просто быть.

Я подъехала к Лениному дому ровно в одиннадцать. Вышла из машины, привалилась к капоту и закурила, глядя на тускло освещённый подъезд.

Дверь открылась, и Лена вышла, как всегда, с лёгким шумом. На ней был короткий топ с открытыми плечами, высокая юбка, из-под которой торчали стройные ноги в чёрных чулках. Волосы — рыжие, яркие, почти огненные — развевались на ветру.

— Диана! — она шурилась, глядя в темноту. — Ты где?

— Здесь, — крикнула я и махнула рукой. — Живее, холодно!

— А, вижу! — Лена подбежала, обхватила себя руками за плечи. — Брр, ну и погода. Машина твоя? Красивая, как всегда.

— Садись давай, — я открыла дверь.

Она плюхнулась на пассажирское сиденье, потёрла руки и включила подогрев.

— Куда едем? — спросила я, вырливая со двора.

— В «Горизонт», там сегодня хороший диджей, — Лена повернулась ко мне. — Ты чего такая? Выдохшаяся?

— Да не то слово, — я сжала руль. — Лен, я больше не могу. Он мне за весь день не позвонил. Не написал. Вообще.

— Кто? Макар? — Лена не удивилась, только закатила глаза. — И ты удивляешься?

— Лен, я жду от него внимания, — голос чуть дрогнул. — Хоть какого-то. А он... он вообще забыл, что я существую.

Мы выехали на трассу. В салоне горел только тусклый свет от приборной панели, и я почувствовала себя почти откровенной, почти голой перед подругой.

— Мы пытались вчера вечером, — выдохнула я. — Но он опять... начал это своё. Я не могу. Мне не нравится.

Лена молчала, глядя в окно.

— И вообще, — я повысила голос, — мне тяжело, Лен. Я всё тяну на себе. Работа, дом, машина. Он ничего не делает. Ему восемнадцать, ему подарили квартиру, родители оплачивают Вышку. А я? Я работаю за семьдесят тысяч и радуюсь, что на кофе хватило баллов.

— Диана, — тихо сказала Лена.

— Что? — я резко повернулась к ней.

— Ты завидуешь мальчику, который даже не заслуживает твоей зависти.

Я замолчала. В груди закипало что-то горькое, тяжёлое, почти обжигающее.

— Я хочу, чтобы меня любили, — сказала я почти шёпотом. — По-настоящему. Чтобы заботились. Чтобы я не была одна.

— Будет, — Лена положила руку на мою. — Но не с ним.

Я промолчала.

Мы въехали в клубную парковку. Я заглушила двигатель, посидела секунду, глядя в пустоту.

— Всё, — я выдохнула и открыла дверь. — Пошли напиваться.

В баре я подошла к стойке, глядя на бармена — парня с серьгой в брови и усталым взглядом.

— Сделай мне что-нибудь крепкое, — я положила деньги на стойку. — Несколько шотов.

Он кивнул, и через минуту передо мной выстроился ряд маленьких стаканов с чем-то прозрачным, жёлтым, красным.

Я взяла первый, опрокинула в себя. Жидкость обожгла горло, и на секунду стало легче.

— Ещё, — сказала я.

И пила, и пила, и пила, пока в голове не зашумело, а в груди не стало пусто и светло.

2 Глава: Новое утро – новая надежда

Утро ворвалось в голову вместе с настойчивой вибрацией телефона.

Я не сразу поняла, где нахожусь — чужой потолок, чужой диван, чужой запах. Ленина квартира. Да, вчера мы вернулись к ней, потому что я была не в состоянии ехать дальше. Телефон завибрировал снова.

Макар.

Я вскочила, сонная, с тяжёлой головой, и провела пальцем по экрану.

— Аллю? — голос прозвучал хрипло, и я откашлялась.

— Привет, — его голос был спокойным, почти ленивым. — Ты как? Что вчера делала?

Я моргнула, пытаюсь собрать мысли в кучу. За окном уже было светло, серое мартовское небо пробивалось сквозь тонкие шторы. Голова гудела, но от его звонка внутри шевельнулось что-то тёплое.

— Всё нормально, — ответила я, прижимая телефон плечом к уху. — Работала, потом с Леной гуляли.

— А, ну да, — он зевнул. — Слушай, давай сегодня встретимся. Ты за мной заедешь?

Я почувствовала, как губы сами растягиваются в улыбку. Он вспомнил. Он всё-таки вспомнил про меня.

— Да, конечно, — ответила я мягко. — Во сколько?

— Часа в четыре. Я напишу.

— Хорошо.

Он сбросил звонок, а я ещё секунду держала телефон у уха, глядя в одну точку. Быть может, он всё-таки взялся за голову. За меня. За нас.

Я откинулась на спинку дивана, прикрыла глаза. Голова всё ещё болела — вчерашние коктейли давали о себе знать. Чуть покачиваясь, я поднялась и побрела на кухню.

Лена стояла у плиты, помешивая что-то в маленькой кастрюльке. На ней была огромная футболка, волосы собраны в небрежный пучок.

— О, проснулась, — сказала она, не оборачиваясь. — Кофе будешь?

— Да, — я села на табурет, обхватила голову руками. — Макар звонил. Сказал, чтобы я за ним заехала. Сегодня встречаемся.

Лена повернулась, оперлась бедром о столешницу и скрестила руки на груди.

— Диана, — она посмотрела на меня серьёзно. — Ты правда думаешь, что это хорошая идея? Он тебя игнорирует, не пишет, не звонит, а потом раз — и появляется, когда ему удобно. Ты не замечаешь этого?

Я провела пальцем по столешнице, собирая невидимую пыль.

— Замечаю, — тихо сказала я. — Но, Лен, может, он просто не умеет иначе. Может, он правда любит, но не знает, как это показать.

— Или ему просто не нужны отношения, а нужна ты по вызову, — Лена поставила передо мной чашку с чёрным кофе.

Я взяла её в руки, грея ладони.

— Я не теряю надежды, — сказала я почти шёпотом. — Верю, что он может измениться.

Лена вздохнула, но ничего не сказала. Только покачала головой и отвернулась к плите.

— Ты же знаешь, что я тебя не брошу, — бросила она через плечо. — Но и врать не буду. Он тебя не заслуживает.

Я промолчала. Потому что внутри уже знала — я всё равно поеду. Всё равно буду надеяться. Всё равно попытаюсь.

К обеду я забрала машину с парковки у клуба. Бордовый «Бумер» стоял там, где я его оставила, покрытый тонким слоем мартовской пыли. Я обошла его, проверила, не зацепили ли, села за руль и выдохнула.

В салоне ещё пахло вчерашними духами и табаком. Я опустила окно, проветрила, включила зажигание. Двигатель заурчал ровно, без капризов — и на душе стало чуть спокойнее. Быть может моя машина еще один мой хороший друг, который даст выплеснуть эмоции.

Дома меня встретила пустота. Я скинула куртку на стул, прошла в спальню и открыла шкаф.

Наряд для свидания. Что надеть? Что-то, в чём я буду чувствовать себя красивой. Но сначала — звонок Макару. Он же не сказал, куда мы едем.

Я взяла телефон, уже набирая номер, но в этот момент экран вспыхнул входящим вызовом.

«Арендодательница».

— Алло, — я замерла.

— Диана, здравствуйте, — голос пожилой женщины был вежливым, но требовательным. — Вы не забыли? Сегодня нужно было внести часть оплаты. Двадцать тысяч. Я жду.

Я прикрыла глаза.

— Да-да, конечно, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я к вам заеду сегодня. Обязательно.

— Хорошо. Жду.

Гудки. Я опустила телефон, посмотрела на экран. Открыла банк. Остаток на счете: 23 000 рублей.

Я сжала зубы. Вчерашняя тусовка. Коктейли. Такси до Лены. Всё это теперь стояло передо мной в виде безжалостной цифры. Злость на себя накрыла с головой — горячая, колючая, почти обжигающая.

— Идиотка, — прошептала я. — Ну зачем? Зачем ты это сделала?

Но ответа не было. Я схватила картхолдер, накинула куртку и вышла в холл. Лифт — задрипанный, с ободранными стенами и тусклой лампочкой — медленно пополз вниз. Я смотрела на своё отражение в мутном зеркале и не узнавала себя.

Банкомат пискнул, выдавая купюры. Я пересчитала их дважды. Двадцать тысяч ушли к арендодательнице. Остаток на карте — три тысячи. На пять дней.

— Будет тяжело, — сказала я себе, засовывая карту обратно в кошелёк. — Но я справлюсь.

Живот тут же заурчал, словно усмехаясь над моим оптимизмом.

— Молчи, — буркнула я.

Магазин был по пути. Я купила пятилитровку воды — из крана в квартире текла какая-то мутная жижа, пить её было невозможно. Рис, макароны, немного мяса. И немного сладкого по мелочи — чтобы была возможность быстро себя порадовать, когда станет совсем тоскливо. Иначе выгорю. Иначе не вывезу эту работу, эту жизнь, это всё.

Вернувшись домой, я приготовила карбонару «по-бичевски». Так я называла свои блюда — простые, быстрые, дешёвые, но которые давали ощущение, будто я ем что-то настоящее. Я съела почти молча, глядя в окно на серое небо, и думала о том, что Макар так и не написал.

Опомнившись, я набрала его. Длинные гудки. Потом короткие. Сбросил.

— Не хочешь говорить, ну и ладно, — пробормотала я, откладывая телефон.

Значит, оденусь как-нибудь обычно, но стильно. Чтобы и не слишком нарядно, и не слишком просто.

Я снова открыла шкаф, перебирая вещи. Джинсы — те самые, синие, которые идеально сидели по фигуре, подчёркивая бёдра и талию. Сверху — новое худи, мягкое, цвета тёмной мяты, с капюшоном и широкими рукавами. И чокер — тонкий, чёрный, с маленькой металлической подвеской в виде полумесяца. Я застегнула его на шее, посмотрела в зеркало. Он добавлял что-то дерзкое, почти опасное, и мне нравилось.

Я нарядилась — немного тонального, чтобы скрыть тени под глазами, тушь, чуть подвела брови. Губы блестят от прозрачного бальзама. Волосы распустила — они падали на плечи лёгкими каштановыми волнами.

— Вроде неплохо, — сказала я своему отражению и вышла.

Машина послушно завелась. Я выехала к арендодательнице, отдала «нажитое» — двадцать тысяч, которые с таким трудом были заработаны и с такой лёгкостью потрачены.

— Спасибо, Диана, — женщина улыбнулась, пересчитав купюры. — Всё в порядке.

Я кивнула и вышла. Села в машину, открыла банк.

Остаток: 1 500 рублей.

— Осталось полторы тысячи на пять дней, — прошептала я. — Это даже не смешно.

Я замерла, глядя на экран. Потом вспомнила про подлокотник. Откинула крышку. На дне, среди старых чеков, салфеток и забытой зарядки, блестела мелочь. Десятки, пятаки, рублёвые монетки.

— Ну давай, бумер, выручай, — я начала пересчитывать.

Десять, двадцать, пятьдесят, сто... Я высыпала всё на пассажирское сиденье, разгладила смятые купюры. Две тысячи. Ровно. Монетками и мелочью.

Я выдохнула и улыбнулась. Первый раз за сегодня — искренне, легко, почти счастливо.

— Спасибо, старушка, — я погладила руль и включила музыку.

«Going Under» снова заиграла из динамиков, и я почувствовала, как настроение поднимается. Впереди свидание. Впереди он.

Я подъехала к его дому. Макар уже ждал — стоял у подъезда, засунув руки в карманы толстовки, с капюшоном, накинутым на светлые волосы. Не отряхнув ноги от грязи, он открыл дверь и запрыгнул на пассажирское сиденье.

— Привет, — сказал он и, не дожидаясь ответа, потянулся ко мне.

Его губы коснулись моих — сухо, коротко, привычно. Как будто он ставил галочку: «поцеловал, можно ехать».

— Привет, — ответила я, пряча обиду.

Он потянулся к магнитоле, переключил мою музыку на свою. Из динамиков забасил какой-то рэп, тяжёлый, агрессивный. Макар откинулся на сиденье и начал рассказывать.

О парах. О том, как тяжело ему было эту неделю. Как он думал обо мне — в интимном плане, конечно. Как круто они отыграли с ребятами в игры на компах. Я слушала, кивала, иногда вставляла «угу» и «правда?». Мне было интересно — потому что это был он. Но внутри шевелилась грусть. Тихая, вязкая, как та вода из-под крана, которую я перестала пить.

Он не спросил, как прошёл мой день. Не спросил, на какие деньги я живу. Не заметил, что я похудела.

Я вела машину, смотрела на дорогу и молчала.

— Заедем в Макбургер, — сказал он, когда мы проезжали мимо торгового центра. — Я угощаю.

— Хорошо, — ответила я.

Мы заехали. Он заказал два больших бургера, картошку, колу. Я смотрела на него и думала: «Может, всё наладится? Может, это просто такой период?».

Он угостил меня. Я поблагодарила и улыбнулась.

И внутри снова затеплилась надежда.

Мы выехали из Магбургера, и я держала тёплый бумажный пакет с бургером. Взяли еще с собой. Макар жевал на ходу, откусывая огромные куски, и рассказывал о какой-то новой игре, в которую они вчера рубились до трёх ночи.

— Там графика просто нереальная, — говорил он, не глядя на меня. — И механика такая, что ты вообще не понимаешь, как они это сделали. Я им говорю: ребята, это же уровень выше, чем у всех. А они...

Я кивала, хотя уже не слушала. Смотрела на дорогу, на серое мартовское небо, которое начинало темнеть к пяти часам. В салоне играла его музыка — какой-то рэп про деньги, тачки, девушек. Моя «Going Under» осталась где-то там, в утренней поездке.

— А давай в парк заедем? — предложила я, когда мы проехали очередной светофор.

— Зачем? — он оторвался от бургера.

— Погуляем. Погода норм, не холодно.

Он пожал плечами.

— Ну давай. Только недолго.

Я свернула к знакомому парку. Весна ещё не вступила в свои права — деревья стояли голые, ветки тянулись к небу, как старые уставшие руки. Дорожки были влажными после вчерашнего дождя, а воздух пах сыростью и прелыми листьями. Но я любила это место. Здесь было тихо. Не слышно было города, его вечной суеты.

Мы вышли из машины. Я застегнула ветровку — ветер пробирал до костей. Макар шёл рядом, сунув руки в карманы толстовки, и молчал.

— Красиво здесь, — сказала я, глядя на пруд, покрытый рябью.

— Угу, — ответил он.

Мы прошли по аллее мимо скамеек, на которых сидели редкие прохожие — кто-то с собакой, кто-то с книгой. Я взяла его под руку, и он не отстранился. Это было маленькое счастье — чувствовать его тепло через ткань.

— Диан, — вдруг сказал он.

— М?

— Ты сегодня хорошо выглядишь.

Я замерла. Он редко говорил комплименты. Обычно молчал или отпускал что-то дежурное. А тут — посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то живое.

— Спасибо, — тихо ответила я.

Мы остановились у старого дуба. Он повернулся ко мне, взял за подбородок, заглянул в глаза. А потом поцеловал — не так, как утром, не сухо. Дольше. Медленнее.

Я закрыла глаза и подумала: «Может, всё налаживается?».

Домой мы поехали уже в сумерках. Фонари зажигались один за другим, разгоняя темноту. Я вела машину и чувствовала, как внутри разливается что-то тёплое.

— Ко мне? — спросила я, когда мы подъехали к перекрёстку.

— Давай, — ответил он.

Я припарковалась у своего подъезда. Старая пятиэтажка с облупившейся краской, запахом сырости в подъезде и вечно сломанным домофоном. Мы поднялись на лифте — воняло кошками и ещё чем-то кислым. Макар поморщился, но ничего не сказал.

Я открыла дверь. Квартира встретила полумраком и тишиной.

— Проходи, — сказала я, включая свет на кухне.

Он скинул кроссовки, прошёл в комнату, огляделся. Маленькая однушка, в которой я жила уже два года. Старый диван, который я накрыла пледом, чтобы скрыть потёртости. Письменный стол, заваленный книгами и какими-то бумагами. На подоконнике — засохший кактус, который я всё забываю полить.

— Уютно, — сказал он.

— Врёшь, — улыбнулась я.

— Нормально. Правда.

Я прошла на кухню, поставила чайник. Пока вода грелась, мы сидели на кухне, пили чай с печеньем, которое осталось ещё с прошлой недели. Он рассказывал про тренировки, про то, как поднял на прошлой неделе сто двадцать на жиме. Я слушала и ловила себя на мысли, что мне хорошо. Просто хорошо. Рядом с ним.

— Пойдём, — сказала я, когда чайник опустел.

Он встал, потянулся — его толстовка задралась, оголив полоску живота. Я отвела взгляд.

В комнате я задернула шторы. Свет от уличного фонаря пробивался сквозь тонкую ткань, оставляя на полу жёлтые разводы.

Он подошёл ко мне сзади, обнял, уткнулся носом в шею.

— Ты вкусно пахнешь, — сказал он.

Я прикрыла глаза. Его руки скользнули по моей талии, потом ниже. Я чувствовала его дыхание на своей коже, и внутри разгоралось что-то, что я уже почти забыла — желание. Настоящее. Не обязанность, не «надо», потому что он хочет, а потому что я хочу сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.